
ДАНИЭЛЬ К. УО

**КТО НА САМОМ ДЕЛЕ
«ПРОВИНЦИАЛЕН»?
РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНЦЕССИИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОСТИ
НА ПРИМЕРАХ РОССИИ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ,
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ**

Published in:

Kniga i literatura v kul'turnom prostranstve epokh (XI-XX veka). Posviashchaetsia 45-letiiu nauchno-pedagogicheskoi deiatel'nosti Eleny Ivanovny Dergachevoi-Skop.
Sostaviteli i otvetstvennye redaktory O. N. Fokina, V. N. Alekseev. Novosibirsk, 2011.

[The essay was written for oral presentation at the conference “Provintsiiia v russkoi kul'ture: literatura, iskusstvo, byt. Tret'i Remezovskie chteniia,” held in May 2007 and is reproduced here unchanged, which explains why the references to American politics are dated. Since I could not attend the conference, it was read there in my absence by V. G. Vovina-Lebedeva, who also kindly corrected my Russian text.]

СЕРИЯ «КНИГА И ЛИТЕРАТУРА»

**КНИГА И ЛИТЕРАТУРА
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПОХ
(XI-XX ВЕКА)**

Что такое «провинция» и «провинциальность»?¹ Так как первый раз в жизни я недавно посетил Париж, мое представление об этом значительно изменилось: я решил, что кроме Парижа и, может быть, Лондона, все остальное является «провинциальным». Конечно, пока я плохо знаю эти города, почти совсем не знаю Нью-Йорк, и был только в аэропорту Токио. Давно живу в Сигтле — этот город является провинциальным по сравнению с Сан-Франциско. А Сан-Франциско не Нью-Йорк. Точно знаю, что по сравнению с Петербургом Москва — провинциальный город, и хотя очень люблю «Петра творенье», сравнивать его с Парижем совсем бессмысленно.

Может показаться странным, что на конференции, посвященной «Провинции в культуре», я должен признать, что сомневаюсь в уместности применения термина «провинция» по отношению к культуре, и связанного понятия «провинциальности». Однако избежать их нельзя.

Не зная заранее, что мои коллеги собираются сказать на эту тему, решил все-таки изложить общие соображения по этому вопросу. Частично в моем докладе будет представлен материал, связанный с моей работой над историей доставления иностранных известий в России накануне Нового времени.

Самая серьезная проблема в рассуждениях на тему «провинция» — это относительность концепции. То, что является «провинциальным» для одного человека, является столичным для другого. Человек, который никогда в жизни не был в большом городе, по крайней мере, до эры современных технологий и связей, имел бы совсем другой стандарт для сравнения, чем человек, который путешествовал по миру и живет, скажем, в Париже.

Скорее всего, последний снисходительно отнесется к «провинциалам», думая, что они не совсем культурные люди. В том-то и беда. Дело в том, что определяя «провинциальность» чего-то или кого-то, мы судим по каким-то нормам уровня культурного развития, как будто бы все их сейчас разделяют или, по крайней мере, должны в будущем их принимать. Это не значит, что мы не должны стараться понять, как используются термины «провинция» и «провинциальность», но наша задача не только понимать их историю, а писать о них без предвзятых соображений.

Мне кажется, что до эпохи Петра Великого в России концепции «провинциальности» не было. Слово «провинция» аттестуется в передаче названия Нидерландов (то есть «Соединенные провинции») в курантах 1651 г. Может быть и раньше, в московских дипломатических документах, возможно, оно стало употребляться в русском языке только позднее, в 1698 г.² Ясно, что в царствование Екатерины II в связи с сознательной политикой установления

¹ Печатная версия доклада.

² *Вести-Куранты*. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. — М., 2000. — С. 27 ; *Словарь русского языка X–XVII вв.* — М., 1995. — Вып. 20. — С. 103.

западных культурных норм вне столицы уже активно обсуждался вопрос о провинциальности³. Подробно об этом не надо рассказывать сегодняшней аудитории. Кроме литературной полемики, начиная с 1770 г., можно назвать ее городскую реформу, в результате которой перестроили центры так называемых «провинциальных» городов по всей империи. Но нельзя сказать, что такие меры по существу изменили русскую провинциальную действительность или взгляды хотя бы наиболее образованных жителей столицы на уровень жизни и культур в провинциях. В самом деле, даже до конца советского периода и в наши дни, я думаю, держится мнение, что в культурном отношении столичные города — одно, а все другие места — другое. Мало кто хочет жить, скажем, в Кирове, если он может жить, например, в Питере или в Москве. Сестры пьесы Чехова, как будто бы еще живы. Речь идет не только о разнице в материальном благосостоянии, но и в культурности. Такой феномен, конечно, присутствует и в Америке и, скорее всего, в любой другой стране мира.

Последствия таких представлений о провинциях разные. С одной стороны, провинции могут не получить своей доли финансовых ресурсов. А с другой стороны, если правительство или центральные культурные ведомства обратят внимание на провинции, то в первую очередь не потому, что ценят их культурные достижения и традиции, а потому, что хотят их преобразовать или увезти предметы в центр. Такие отношения имеют аналогии с появившимися в эпоху империализма относительно несевропейских частей мира. Речь идет о типе «культурного империализма», возникающем под предлогом или повышения уровня культуры или спасения памятников искусства и письменности от провинциальных невежд.

В России мы видим последние тенденции в деятельности П. М. Строева и Археографической экспедиции в первой половине XIX в. и в археографических экспедициях его наследников в советский период⁴. Защищать такое действие, конечно, можно (без сомнения, много было спасено для будущих поколений), но в то же время не следует забывать, что удовольствие от этого не всегда заметно среди тех, кто ценит свою местную культуру, даже при плохом хранении ее памятников. Речь идет о не всегда объективно более высоких культурных достижениях тех, кто хочет либо улучшить провинциальную культуру, либо спасти ее, а в первую очередь, о самоопределении культурности центра со стороны его жителей.

До известной степени, обсуждение провинциальной культуры неотделимо от анализа процесса «модернизации»; этот термин одинаковым образом является проблематичным. Существует большая литература о модернизации, которая в первую очередь мерит историческое развитие стран и обществ по стандартам наиболее развитых стран Европы (и США) в XIX и XX вв.⁵ В такой литературе по-разному определяются истоки современного, то есть «модерного» мира.

История эта начинается обычно где-то в эпоху Возрождения. Одни утверждают, что самое важное — «революция в науке», другие указывают на наследие Гутенберга, без изобретения книгопечатания, распространения нового

³ См.: Клубкова Т. В., Клубков П. А. Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности // Русская провинция. Миф-текст-реальность. — М., 2000. — С. 20–29.

⁴ О деятельности Строева см.: Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. — Л., 1976. — Т. 30. — С. 133–164.

⁵ См.: Waugh D. C. We have never been modern: Approaches to the Study of Russia in the Age of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2001. — Н. 3. — S. 321–345.

знания было бы невозможным. Кстати, в последнее время возникают сомнения и в рациональности «научной революции» и уникальности печатного слова.

Есть и другие кандидаты на первенство среди факторов, объясняющих переход к современному миру. В последнее время я читаю новую литературу о развитии газет и изменения средств связи (особенно в развитии почтовой системы) в Европе накануне Нового времени. Специалисты естественно констатируют первенство газет в истории модернизации⁶. С другой стороны, известный немецкий историк Вольфганг Берингер считает, что в основе модернизированного мира лежит «революция связи» в развитии почтовой системы Европы⁷. Без этого было бы немыслимо распространение газет, не говоря об улучшении систем дорог и, наконец, железной дороги, радио и в наши дни Интернета. Речь идет об изменениях человеческих понятий о пространстве и времени и об окружающем мире.

Нельзя ли думать, что «провинциальность» относится к тем, кто плохо осведомлен о внешнем мире и лишен возможности быстро устанавливать контакт с ним?

Мой интерес к литературе о газетах и почте связан с изучением системы доставления иностранных известий в России в XVII в. Тема, конечно, старая, и я пока не уверен, что будут новые ответы на старые вопросы, а именно, до какой степени в России знали о событиях в других странах, до какой степени это знание улучшилось к петровскому времени и до какой степени положение в России отличалось от положения на Западе.

Первая печатная газета, то есть быстрая и регулярная публикация известий, появилась в городе Страсбурге в 1605 г.⁸ Вскоре после этого под влиянием событий Тридцатилетней войны количество газет в Европе возросло. Особенно интересно было их развитие в таких немецких городах как Гамбург и Лейпциг. Уже во второй половине XVII в. современники начали писать о том, что свободный доступ к новостям — либо полезно для развития образования и общественного мнения, либо, наоборот, является опасным для правительств и церкви. Специалисты по истории газет сегодня пишут о том, что уже к концу XVII в. заметно проявление «чувства современности», в чем заключается самый главный признак культурных и общественных изменений новой, модернизированной эры. Конечно, такие утверждения проблематичны, именно потому, что они относятся в первую очередь к небольшому проценту населения в Европе. Правда, больше чем в предыдущем веке, люди могли узнать о далеких местах и понять, что политические события определяются не Божьей волей, а действием человека. Но даже в таких развитых городах, как Гамбург, скорее всего большинство людей не читали или не слушали чтения газет, и к тому же у них все-таки остались провиденциальные взгляды на события, которые они рассматривали через призму религиозных убеждений. Несмотря на мнение, что секуляризация является отличительной чертой современного мира, исследования о религиозных представлениях и практике в Европе даже в Новое время доказывают, что суеверие и манифестации глубоких религиозных убеждений были широко распространены и что разные слои общества разделяют

⁶ См., например: *Björning H. Welteroberung durch ein neues Publikum : die deutsche Presse und der Weg zur Aufklärung. Hamburg und Altona als Beispiel.* — Bremen, 2002.

⁷ *Behringer W. Am Zeichen des Merkur. Reichspost und Kommunikationsrevolution in der Frühen Neuzeit.* — Göttingen, 2003.

⁸ См.: *Weber J. Strassburg, 1605: the Origins of the Newspaper in Europe // German History.* — 2004. — Vol. 24. — P. 387-412.

ö/
I / ü/
d/

lä #
38 *
nA

9Z

I 6

почти одинаковые религиозные взгляды. Итак, одно дело предположить преобразовательную силу ранних газет главным образом из-за того, что их издатели так их рекламировали, а другое дело определить их настоящее влияние. Последнее пока недостаточно показано⁹.

До известной степени в России в XVII – начале XVIII в. картина осведомленности об иностранных известиях во многом отличалась от картины на Западе. Как известно, самым важным источником известий стали так называемые «Куранты» — переводы, сделанные в Посольском приказе для узкого круга государственных деятелей и оставляемые регулярно только после установления почтовой связи с Европой в 1660-х гг.¹⁰

Распространение информации из курантов вне правительственных кругов является исключением, и в отличие от того, что преобладало на Западе, правительство считало такую информацию секретной. Поэтому говорить о развитии в России общественного мнения в связи с каким-то ростом чувства современности и знания иностранных известий нельзя. Считается, что положение изменилось с печатанием «Ведомостей», начиная с конца 1702 г. Но мы пока слишком мало знаем о распространении петровских «Ведомостей» вне столиц и о возможном влиянии их чтения. Любопытно, что один из самых ярких примеров распространения «Ведомостей» вне столиц относится к образцовому примеру провинциальности – Вятке¹¹. Там читатель и собиратель газет был провинциальным церковником, который, как кажется, глубоко верил в святых Вятской земли, и не сочувствовал петровской реформе, участвуя в ней.

Возможно альтернативная интерпретация этих известных фактов ранней истории знакомства с иностранными известиями в России. Если подчеркивать, как Берингер, что установление быстрой и регулярной почтовой связи является признаком «современности», то соединение Москвы с растущей европейской системой почты как раз в момент ее продвижения на восток впечатляет. Спрашивается, не может ли быть, что Московия не провинция Европы, а участвует в общем развитии европейской политики и культуры?

Но, конечно, мало кто из москвитян использовал иностранную почту. Если в правительственных кругах замечен феномен изменения концепции времени, как и на Западе, до такой степени, что люди начинали с нетерпением ждать очередную почту, то в более широких общественных кругах таких забот не было. Нельзя сказать, что попытки развить почтовую сеть внутри страны пользовались большим успехом до конца XVII в. или даже в результате реформ Петра¹². Если наш вятский церковник, как я полагал, с нетерпением ждал последние новости, он в нормальных условиях не мог ожидать их чаще, чем пять раз в году. Хорошо известно, какими плохими были внутренние коммуникации в России до эры железной дороги и как медленно развивалась до начала XX в. сеть железных дорог.

⁹ См., например: *Devlin J. The Superstitious Mind: French Peasants and the Supernatural in the Nineteenth Century.* — New Haven; London, 1987. — 326 p.

¹⁰ См.: *Maier I. Presseberichte am Zarenhof im 17 Jahrhundert. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der gedruckten Zeitung in Russland // Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte.* — 2004. — № 6. — S. 103–129.

¹¹ См.: *Уо Д. К. История одной книги: Вятка и «не-современность» в истории русской культуры Петровского времени.* — СПб., 2003. — Гл. 3.

¹² Об установлении иностранной почты в XVII в. см.: *Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII в.* — Варшава, 1913. — Т. 1–2. — 536 с.; О дальнейшем развитии почты см.: *Вигилев А. Н. История отечественной почты.* — М., 1990. — 311 с.

Руководствуясь стандартами Берингера, провинциальность России доказана. Без хороших связей нельзя ожидать быстрого развития промышленности и торговли на современных основах. Нельзя ожидать установления хорошей системы образования и развития науки и т. д. По таким соображениям отсталость и провинциальность — одно и то же.

Можем ли мы быть довольными этой картиной? Я думаю, что нет. Дело в том, что и на Западе и в России историческое развитие намного сложнее и поэтому интереснее, чем рисуется обычно в научной литературе. Важное находится не в противостоянии столичного и провинциального или современного и традиционного, а в их взаимоотношениях. Границы между одним и другим обычно нечеткие. К сожалению, в научной литературе пока преобладает удельный вес предвзятых взглядов тех, кому более интересно и, скорее всего, просто легче изучать культуру столиц. Конечно, среди ученых исключения есть, и может быть, абсолютное большинство их присутствует сегодня в этой аудитории.

Можно надеяться, что в результате конференции можно будет раз и навсегда убедить остальных, кто не понимает и не любит русских провинций, изменить свой взгляд. Для этого, конечно, необходимо не только глубокое изучение истории и культуры России вне столиц, но и критическая оценка сравнительных материалов в исследованиях становления так называемого Нового времени в Европе в целом.

Напоследок должен признать, что мое положение здесь не очень ловкое в первую очередь потому, что как иностранец я не могу претендовать на такое глубокое знание русской истории и культуры, как вы. Более того, я же люблю термины «провинция» и «провинциальность», потому что как американец я осужден, по словам гениального поэта, «представить ясные черты провинциальной простоты». Недавно появился комедийный фильм под названием «Vocab», с которым, признаюсь, я знаком только из вторых рук. Фильм насмехается над культурой казахов, и потому в наши дни так называемой «политкорректности» многие его не любят.

Но до известной степени фильм не о культуре казахов. Его успех заключается в том, что он показывает невежество американцев, которые даже не знают, что это за страна Казахстан, и где она находится. Поэтому, когда речь идет о будто бы диких традициях казахов, эти американские невежды верят всему. Действительно, знание мира и мировой культуры в Америке в среднем на очень низком уровне. Удивительно, что это так в стране развитой системы связи, где почти все имеют возможность узнать новости по телевидению или через Интернет. Даже в высших политических кругах кругозор ограничен. Факты, установленные наукой, отвергаются и т. д. Митрофанушки екатерининского времени в России не исчезли, а наоборот, живут в Белом доме в Вашингтоне.

Я надеюсь, конечно, что наш президент и его сторонники являются исключением. А как же, наоборот, если в Америке за последние годы провинциальность растет? Теоретически, по мнению сторонников идеи прогресса, в мире современных связей уровень знания о мире везде растет вместе с уровнем культуры, независимо от страны и общественного положения. При неизбежном ходе прогресса и глобализации, провинциальность осуждена исчезнуть. Конечно, в определенном плане глобализация означает победу Голливуда и MTV, то есть особых видов «провинциальности» в смысле ее пустоты и отсталости, как она рисуется в карикатурах.

Представляете себе ироничность такого результата культурного прогресса? Это не просто последствия победы какой-то особенно отвратительной части американской культуры. Везде в мире есть примеры слепой веры в прогресс

или индифферентности к культурным ценностям другой эры. В Китае везде уничтожают исторические здания, в Петербурге строят громадный небоскреб на берегу Невы, в Иране затапливают древние селения при постройке плотин...

Есть, конечно, альтернатива. Настоящий культурный прогресс может заключаться в том, чтобы признать многослойность и богатство культурного развития, где нет четкого разграничения между провинцией и столицей и где нет уничтожения или унижения культурных явлений по предвзятой схеме прогресса. Так называемая «провинциальная» культура является неотъемлемой частью общего человеческого наследия. Это наша история, наши традиции. Мы должны гордиться тем, что мы и провинциалы, и представители современной культуры столиц.

